

Владимир Железников. В старом танке

Он уже собрался уезжать из этого города, сделал свои дела и собрался уезжать, но по дороге к вокзалу вдруг натолкнулся на маленькую площадь.

Посередине площади стоял старый танк. Он подошел к танку, потрогал вмятины от вражеских снарядов — видно, это был боевой танк, и ему поэтому не хотелось сразу от него уходить. Поставил чемоданчик около гусеницы, влез на танк, попробовал люк башни, открывается ли. Люк легко открылся.

Тогда он залез внутрь и сел на сиденье водителя. Это было узенькое, тесное место, он еле туда пролез без привычки и даже, когда лез, расцарапал руку.

Он нажал педаль газа, потрогал рукоятки рычагов, посмотрел в смотровую щель и увидел узенькую полоску улицы.

Он впервые в жизни сидел в танке, и это все для него было так непривычно, что он даже не слышал, как кто-то подошел к танку, влез на него и склонился над башней. И тогда он поднял голову, потому что тот, наверху, загородил ему свет.

Это был мальчишка. Его волосы на свету казались почти синими. Они целую минуту смотрели молча друг на друга. Для мальчишки встреча была неожиданной: думал застать здесь кого-нибудь из своих товарищей, с которыми можно было бы поиграть, а тут на тебе, взрослый чужой мужчина.

Мальчишка уже хотел ему сказать что-нибудь резкое, что, мол, нечего забираться в чужой танк, но потом увидел глаза этого мужчины и увидел, что у него пальцы чуть-чуть дрожали, когда он подносил сигарету к губам, и промолчал.

Но молчать без конца ведь нельзя, и мальчишка спросил:

— Вы чего здесь?

— Ничего, — ответил он. — Решил посидеть. А что — нельзя?

— Можно, — сказал мальчик. — Только этот танк наш.

— Чей — ваш? — спросил он.

— Ребят нашего двора, — сказал мальчишка.

Они снова помолчали.

— Вы еще долго будете здесь сидеть? — спросил мальчишка.

— Скоро уйду. — Он посмотрел на часы. — Через час уезжаю из вашего города.

— Смотрите-ка, дождь пошел, — сказал мальчишка.

— Ну, давай заползай сюда и закрывай люк. Дождь переждем, и я уйду.

Хорошо, что пошел дождь, а то пришлось бы уйти. А он еще не мог уйти, что-то его держало в этом танке.

Мальчишка кое-как примостился рядом с ним. Они сидели совсем близко друг от друга, и было как-то удивительно и неожиданно это соседство.

Он даже чувствовал дыхание мальчишки и каждый раз, когда он подымал глаза, видел, как стремительно отворачивался его сосед.

— Вообще-то старые, фронтовые танки — это моя слабость, — сказал он.

— Этот танк — хорошая вещь. — Мальчишка со знанием дела похлопал ладонью по броне. — Говорят, он освобождал наш город.

— Мой отец был танкистом на войне, — сказал он.

— А теперь? — спросил мальчишка.

— А теперь его нет, — ответил он. — Не вернулся с фронта. В сорок третьем пропал без вести.

В танке было почти темно. Через узенькую смотровую щель пробивалась тоненькая полоска, а тут еще небо затянуло грозовой тучей, и совсем потемнело.

— А как это — «пропал без вести»? — спросил мальчик.

— Пропал без вести, значит, ушел, к примеру, в разведку в тыл врага и не вернулся. И неизвестно, как он погиб.

— Неужели даже это нельзя узнать? — удивился мальчик. — Ведь он там был не один.

— Иногда не удается, — сказал он. — А танкисты смелые ребята. Вот сидел, к примеру, тут какой-нибудь парень во время боя: свету всего ничего, весь мир видишь

только через эту щель. А вражеские снаряды бьют по броне. Видал, какие выбоины! От удара этих снарядов по танку голова могла лопнуть.

Где-то в небе ударил гром, и танк глухо зазвенел. Мальчишка вздрогнул.

— Ты что, боишься? — спросил он.

— Нет, — ответил мальчишка. — Это от неожиданности.

— Недавно я прочел в газете об одном танкисте, — сказал он. — Вот это был человек! Ты послушай. Этот танкист попал в плен к фашистам: может быть, он был ранен или контужен, а может быть, выскочил из горящего танка и они его схватили. В общем, попал в плен. И вдруг однажды его сажают в машину и привозят на артиллерийский полигон. Сначала танкист ничего не понял: видит, стоит новенький «Т-34», а вдали группа немецких офицеров. Подвели его к офицерам. И тогда один из них говорит:

«Вот, мол, тебе танк, ты должен будешь пройти на нем весь полигон, шестнадцать километров, а по тебе будут стрелять из пушек наши солдаты. Проведешь танк до конца — значит, будешь жить, и лично я тебе дам свободу. Ну, а не проведешь — значит, погибнешь. В общем, на войне как на войне».

А он, наш танкист, совсем еще молодой. Ну, может быть, ему было двадцать два года. Сейчас такие ребята ходят еще в институты! А он стоял перед генералом, старым, худым, длинным, как палка, фашистским генералом, которому было наплевать на этого танкиста и наплевать, что тот так мало прожил, что его где-то ждет мать, — на все было наплевать. Просто этому фашисту очень понравилась игра, которую он придумал с этим советским: он решил новое прицельное устройство на противотанковых пушках испытать на советском танке.

«Струсил?» — спросил генерал.

Танкист ничего не ответил, повернулся и пошел к танку... А когда он сел в танк, когда влез на это место и потянул рычаги управления и когда они легко и свободно пошли на него, когда он вдохнул привычный, знакомый запах машинного масла, у него прямо голова закружилась от счастья. И, веришь ли, он заплакал. От радости заплакал, он уже никогда и не мечтал, что снова сядет в свой любимый танк. Что снова окажется на маленьком клочке, на маленьком островке родной, милой советской земли.

На минуту танкист склонил голову и закрыл глаза: вспомнил далекую Волгу и высокий город на Волге. Но тут ему подали сигнал: пустили ракету. Это значит: пошел вперед. Он не торопился, внимательно глянул в смотровую щель. Никого, офицеры спрятались в ров. Осторожно выжал до конца педаль газа, и танк медленно пошел вперед. И тут ударила первая батарея — фашисты ударили, конечно, ему в спину. Он сразу собрал все силы и сделал свой знаменитый вираж: один рычаг до отказа вперед, второй назад, полный газ, и вдруг танк как бешеный крутнулся на месте на сто восемьдесят градусов — за этот маневр он всегда получал в училище пятерку — и неожиданно стремительно помчался навстречу ураганному огню этой батареи.

«На войне как на войне! — вдруг закричал он сам себе. — Так, кажется, говорил ваш генерал». Он прыгнул танком на эти вражеские пушки и раскидал их в разные стороны.

«Неплохо для начала, — подумал он. — Совсем неплохо».

Вот они, фашисты, совсем рядом, но его защищает броня, выкованная умелыми кузнецами на Урале. Нет, теперь им не взять. На войне как на войне!

Он снова сделал свой знаменитый вираж и приник к смотровой щели: вторая батарея сделала залп по танку. И танкист бросил машину в сторону; делая виражи вправо и влево, он устремился вперед. И снова вся батарея была уничтожена. А танк уже мчался дальше, а орудия, забыв всякую очередность, начали хлестать по танку снарядами. Но танк был как бешеный: он крутился волчком то на одной, то на другой гусенице, менял направление и давил эти вражеские пушки. Это был славный бой, очень справедливый бой. А сам танкист, когда пошел в последнюю лобовую атаку, открыл люк водителя, и все артиллеристы увидели его лицо, и все они увидели, что он смеется и что-то кричит им.

А потом танк выскочил на шоссе и на большой скорости пошел на восток. Ему вслед летели немецкие ракеты, требуя остановиться. Танкист этого ничего не замечал. Только на восток, его путь лежал на восток. Только на восток, хотя бы несколько метров, хотя бы несколько десятков метров навстречу далекой, родной, милой своей земле...

— И его не поймали? — спросил мальчишка.

Мужчина посмотрел на мальчишка и хотел соврать, вдруг ему очень захотелось соврать, что все кончилось хорошо и его, этого славного, геройского танкиста, не поймали. И мальчишка будет тогда так рад этому! Но он не соврал, просто решил, что в таких случаях нельзя ни за что врать.

— Поймали, — сказал мужчина. — В танке кончилось горючее, и его поймали. А потом привели к генералу, который придумал всю эту игру. Его вели по полигону к группе офицеров два автоматчика. Гимнастерка на нем была разорвана. Он шел по зеленой траве полигона и увидел под ногами полевую ромашку. Нагнулся и сорвал ее. И вот тогда действительно весь страх из него ушел. Он вдруг стал самим собой: простым волжским пареньком, небольшого роста, ну, как наши космонавты. Генерал что-то крикнул по-немецки, и прозвучал одинокий выстрел.

— А может быть, это был ваш отец?! — спросил мальчишка.

— Кто его знает, хорошо бы, — ответил мужчина. — Но мой отец пропал без вести.

Они вылезли из танка. Дождь кончился.

— Прощай, друг, — сказал мужчина.

— До свидания...

Мальчик хотел добавить, что он теперь приложит все силы, чтобы узнать, кто был этот танкист, и, может быть, это действительно окажется его отец. Он подымет на это дело весь свой двор, да что там двор — весь свой класс, да что там класс — всю свою школу!

Они разошлись в разные стороны.

Мальчишка побежал к ребятам. Бежал и думал об этом танкисте и думал, что узнает про него все-все, а потом напишет этому мужчине...

И тут мальчишка вспомнил, что не узнал ни имени, ни адреса этого человека, и чуть не заплакал от обиды. Ну, что тут поделаешь...

А мужчина шел широким шагом, размахивая на ходу чемоданчиком. Он никого и ничего не замечал, шел и думал о своем отце и о словах мальчишка.

Теперь, когда он будет вспоминать отца, он всегда будет думать об этом танкисте. Теперь для него это будет история отца.

Так хорошо, так бесконечно хорошо, что у него наконец появилась эта история. Он будет ее часто вспоминать: по ночам, когда плохо спится, или когда идет дождь, и ему делается печально, или когда ему будет очень-очень весело.

Так хорошо, что у него появилась эта история, и этот старый танк, и этот мальчишка...